

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР
Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 55 (762)

5 октября 1938 г., среда

Цена 30 коп.

ИДЕИ МИРА И СВОБОДЫ

В суроные дни, когда фашизм терзает тело демократической Чехословакии, когда капиталистические страны ведут бесстыдный торг за новый передел мира, варвары все-го прогрессивного человечества устремлены в Советский Союз. Политика Страны Советов — это последовательная политика борьбы за всеобщий мир, против фашистских варваров. Советские писатели, вместе с советским народом, готовы отдать все свои силы и свою жизнь за защиту родины, за защиту демократии и прогресса.

Идеи мира и свободы, которыми воодушевлены советские писатели, близки и дороги передовым деятелям мировой культуры. В ответ на усиливающуюся фашистскую агрессию растет и ширится народный фронт в капиталистических странах, все больше писателей вступают в его ряды.

Сегодня лучшие французские писатели подняли свой голос против позорной капиталистии перед фашистским агрессором, в защиту чехословацкого народа, за организацию коллективной борьбы, за мир, демократию и культуру.

Вместе с Романом Ролланом, Андре Мальро, Луи Арагоном в защиту мира и демократии выступают писатели, которые срываются на недавно перешли на позицию антифашистской борьбы. Ужасы итало-германской интервенции в Испании пробудили к активной антифашистской деятельности и писателя-католика Мориака, бывшего монархиста писателя Бернаноса.

Ту же картина мы наблюдаем во всем мире. В Лиге американских писателей, занимающую роль антифашистской позиции, входит подавляющее большинство писателей США. И те из них, кто еще недавно стоял в стороне от политической борьбы, как, например, Хемингуэй и Драйзер, сегодня активно выступают против фашизма. Американский народ все более решительно осознает свою роль в деле борьбы передового человечества за спасение от фашистской опасности демократии, свободы и цивилизации во всем мире.

В Англии в самые последние дни писатели разных политических и литературных направлений впервые обединились на платформе антифашистской борьбы. На привет чехословакским писателям отклинулись десятки их английских собратьев, в том числе руководители английского Пен-клуба, а также бывший президент Федерации Пен-клубов Герберт Уэллс.

«Опасность грозит не только Чехословакии, — пишут английские писатели. — Под угрозой находятся также демократия, мир и цивилизация всего мира, а только из них вырастает полноправная культура. Поэтому мы, писатели, должны стать на защиту демократии, мира и цивилизации и на защиту их представителей, над которыми нависла угроза, т.е. на защиту чехословакского народа».

Немецкие писатели-эмигранты — полные представители германской культуры, наиболее известные писатели Швеции, как и писатели других стран, выразили свою солидарность с чехословакским народом.

От имени тридцати трех национальных секций Международной ассоциации писателей в защиту культуры Жан-Ришар Блок, Андре Шамсон, Андре Мальро и Луи Арагон заявили о нерушимом братстве с писателями, с народом Чехословакии.

И несомненно, что Ромэн Роллан, Поль Ланжеан и Франсис Журден, потребовавшие от французского и английского правительства отторга гитлеровским покушениям на Чехословакию и на мир, отразили настоечную передовую интеллигенцию народов всех стран.

Пусть требования писательской общественности мира сейчас не увенчались прямым успехом. Но борьба за право и справедливость, за историческое будущее народов не может, в конечном счете, не завершиться победой. Этому учит история человечества, об этом надо помнить и еще больше усиливать борьбу с темными силами фашизма.

Исклучительное значение для всего мирового антифашистского писательского фронта имеет популяризация литературы СССР за его рубежами. Тов. Жданов на первом съезде союза советских писателей говорил:

«Да, наша советская литература тенденциозна, и мы гордимся ее тенденциозностью, потому что наша тенденция заключается в том, чтобы освободить трудящихся — все человечество от ига капиталистического рабства».

Эта тенденциозность дорога трудящимся всего мира. Советская литература, как и советское искусство, пользуется признанием широких масс трудящихся во всем мире. Имя великого пролетарского писателя Горького с уважением и любовью произносится читателями всех континентов. Растет интерес к советской литературе, в которой иностранные писатели видят литературу нового мира, мира социализма, литературу страны, последовательно борющейся за мир и демократию.

Лучшие произведения советских писателей должны стать достоянием широких масс трудящихся Запада и Востока. Советские писатели должны быть в авангарде борьбы за идеи мира и свободы.

ТРИ ПОДРУГИ

Мих. РОЗЕНФЕЛЬД

На рассвете 24 сентября три подруги, отправляясь в полет, на Шелковской аэродроме у крыльев своей машины писали привет вождю, вдохновителю побед, товарищу Сталину:

«...В нашей стране нет ничего дороже интересов родины. Мужчины и женщины однажды любят свое отечество, безгранично преданы партии, советскому правительству, народу. Вам, дорогой Иосиф Виссарионович. Мы начинаем свой дальний полет для того, чтобы продемонстрировать перед всем миром решимость советских женщин, их любовь к родине».

Они знали, что в этот же день, вдали от столицы, за Уральским хребтом, они, возможно, и даже навсегда, попадут в грозу, врежутся в беспросветную мерзлую туманную муть, когда машина седеет от льда, и тогда придется брать потолок выше 6 тысяч метров. В самолете наготове лежали кислородные аппараты.

Бедняк, бывший рабочий, отец будущей героини терпел ужасные изнуряющие, предодлевая закоренелую тупость парских чиновников. На последней грани он упорно мастерил, сооружал, строил летательные аппараты, ингредиенты которых не побывали помощи и признания. Зато какая блестящая перспектива открылась перед его дочерью. Валентина росла в стране побывшей пролетарской революции. Боги пришли от отца безграничной любви и страсти к авиации, она с 14 лет стала летать на планерах, чтобы трудолюбие готовились в этот перелет.

Три месяца назад, 6 июля, на перроне Северного вокзала происходила торжественная встреча летчиков, перелетевших с Черного моря к берегам Белого моря. С цветами, музыкой и почетным караулом столица встречали Осиенко, Раскову, Ломако, совершивших замечательный беспосадочный перелет Архангельск—Севастополь на гидросамолет. Среди встречающих была Валентина Гризодубова. В шуме восторженных приветствий и оркестра она, обливаясь слезами, вспомнила отца, погибшего в гидросамолете.

Девушки-подруги, подружившись с Полиной Осиенко, подружились с Мариной Расковой. Полина не отказалась ей, приняв ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений, Валентина стала доказывать. Женщина может, сумеет и будет летать, как мужчина. Однажды она обратилась к тов. Орджоникидзе.

Нарком не отказал ей, принял ее, выслушав и проникновенно спросив:

— А ты действительно хочешь лететь?

— Очень хочу.

И моментально, точно боясь возражений,

ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

ВООРУЖИТЬ ПИСАТЕЛЕЙ УЧЕНИЕМ БОЛЬШЕВИЗМА

2 октября состоялось совместное заседание президиума союза советских писателей и актива. Оно открылось докладом П. Ф. Юдина — об изучении курса Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Советский писатель, — говорил в своем докладе Т. Юдин, — должен быть политически и теоретически подготовлен. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), обобщающая богатейший опыт борьбы рабочего класса и партии за построение и победу социализма в нашей стране, призвана сыграть огромную роль в марксистско-ленинском воспитании интеллигентии, в идеином вооружении писателей.

Большинство и сила марксистско-ленинской теории показаны на конкретных исторических фактах борьбы и побед. В этом глубоко лежит под содержанием и классическом по своей ясности труде — ключ к правильному пониманию и освоению марксизма-ленинизма.

Главное содержание «Истории» — это теоретические вопросы, это идеальная борьба и идеальная жизнь партии. Нельзя поэтому считать, что это обычный курс истории. Это не просто учебник. Это — теория марксизма-ленинизма, это история большевистской партии и развития марксизма-ленинизма. Это ленинизм в действии, большевистская теория в действии.

К изучающим «Историю ВКП(б)» необходимо дифференцированный подход, в учете уровня развития людей. Способы изучения могут быть самые различные. Самое главное в изучении истории партии — самостоятельная работа над книгой. Изучение «Истории ВКП(б)», овладение марксистской теорией необходимы для каждого писателя — представителя советской интеллигентии, которая должна быть вооружена великим учением большевизма.

Тов. Зайцев, выступивший в прениях по докладу Т. Юдина, рассказал о подготовке партийной организации ССР в изучению курса Истории ВКП(б).

Главная задача парторганизации — подготовить и выявить кадры пропагандистов, способных руководить кружками, которые будут организованы для писателей, желающих колективно изучать историю партии. Партийная организация должна обеспечить писателям, индивидуально изучавшим курс истории, авторитетную консультацию. Московский клуб писателей должен помочь партому устроить цепь доказательств и лекций.

Изучение Истории всесоюзной коммунистической партии (большевиков), — подчеркнул в своем выступлении А. Фадеев, — имеет для нас, писателей, огромное жизненное значение.

Товарищ Сталин в докладе на Февральско-Мартовском Пленуме ЦК партии 1937 года подчеркнул необходимость теоретического и политического вооружения партийных кадров. Это справедливо и в отношении кадров интеллигентии.

Исполнение исторической преемственности, путем, который проделала партия, полностью преемственности того, что мы делаем в нашем прошлом, понимание этого свете научных основ марксизма-ленинизма и того нового, что внесла в сокровищницу марксизма-ленинизма победа социализма в нашей стране, дает огромную силу и крепость в борьбе, сплачивает кадры, помогает им умение ориентироваться в обстановке и вести за собой массы вперед.

Роль и место интеллигентии в нашей стране изменились. До революции интеллигентия служила капитализму. Теперь большинство советской интеллигентии — это выходцы из народа. Интеллигентия в ССР — соль страны. Она является слугой народа. Ее интересы и стремления неразрывны с интересами народов нашей социалистической родины. Мы стремимся к тому, чтобы весь народ сделал интеллигентным.

Мы жаждем застатью на критиков. Нечужи среди них мало людей, достаточно много читавших классики марксизма? Их предостаточно. Они проходили специальную теоретическую школу. Когда нужно, —

НАКАНУНЕ 125-ЛЕТИЯ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

При союзе советских писателей Грузии организован республиканский шевченковский комитет. В него избраны: Ш. Дацени (председатель), депутат Верховного Совета ССР; Альо Машаврили — поэт-оратор, первый секретарь союза советских писателей Грузии; С. Чиковани — поэт; Ило Мосавели — поэт; депутат Верховного Совета Грузинской ССР К. Лордкипанидзе — беллетрист; Ш. Раланашвили — критик; С. Эули — поэт; Г. Леонидзе — поэт; В. Гапонишвили — поэт; К. Болхвадзе — поэт; секретарь комитета.

Комитет утвердил план мероприятий, связанных с 125-летней годовщиной дня рождения Т. Г. Шевченко. Госиздат Грузии выпускает юбилейные дни однотомных избранных произведений великого поэта украинского народа на грузинском языке с предисловием В. Егнаташвили и С. Чиковани; книгу редактируют С. Чиковани и Ш. Радини.

Надо брать это в связи с реальной литературной практикой. Сколько у нас уже было тяжелых неудач непосредственно в области художественной литературы, связанных с недостаточным знанием истории партии и теории марксизма-ленинизма. Такие примеры можно было бы привести очень много. Мы имеем произведения, ставшие острые политические вопросы, но ответы, которые это произведение давало, искали действительность.

Некоторые из нас — редакторов журналов, иногда по недостатку теоретических знаний мало помогают писателям. Выводы случаются, когда мы сами делаем ошибки. Надо бы теоретически вооруженные, чтобы видеть ясно цель и перспективу нашего литературного развития.

Некоторые из нас, — говорил в своем выступлении С. Лозовский, — были на протяжении нескольких десятилетий участниками и очевидцами событий, о которых идет речь в Истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Но строгое изложение неподражаемого марксистско-ленинского учения по-новому освещает для нас,казалось бы, хорошо известные исторические факты. ВКП(б) представляет собой органическое единство теории, политики, тактики и принципов организации. Понять историю большевизма, его руководящую роль и непрекращающийся авторитет для сотен миллионов людей, причиной его побед над всеми врагами можно только, лишь изучая историю классовой борьбы и общественного развития на протяжении последних 50 лет. Исторический путь большевистов является результатом этого замечательного единства теории, политики, тактики и организационных принципов.

К изучению «Истории» каждый «цех» работников, в том числе и писательский «цех», должен подходить по-своему. Часто писатель живо, интересно и мастерски по форме изображает видимое ими, но это изображение остается поверхностным, либо не дает диалектического освещения событий.

Сложные политические процессы происходящие в нашей стране и ее рубежами, методы преодоления трудностей, новые формы классовой борьбы не могут быть полноценными показаны в произведениях, если автор ограничен идейно-политической, беспомощен в марксистско-ленинской теории.

Кажд может писатель иметь яркий, художественный тип большевика, если он не понимает всемирно-исторической, революционной роли большевизма, если он не понимает, как большевистская партия на каждом шагу сочетает революционную теорию с повседневной практикой. Только в свете марксистско-ленинской теории можно понять огромное историческое значение разговора врагов — агентов фашизма, шпионов иностранных разведок.

Одна из областей искусства организует олимпийский турнир художественной самодеятельности, в которой примут участие около 2.000 рабочих, колхозников и служащих — певцов, танцов, декламаторов и артистов-любителей.

В Борисоглебском педагогическом институте создана юбилейная шевченковская комиссия под председательством директора института Т. Пенкова.

Литературная кафедра института готовит к печати работы, посвященные творчеству Т. Г. Шевченко. Заведующий кафедрой Г. Гензидилов готовит тему «Пушкин и Шевченко», преподаватель русской литературы Т. Зинец — «Шевченко и русская революционная демократия», преподаватель украинской литературы Т. Коноваленко — «Шевченко в ссылке».

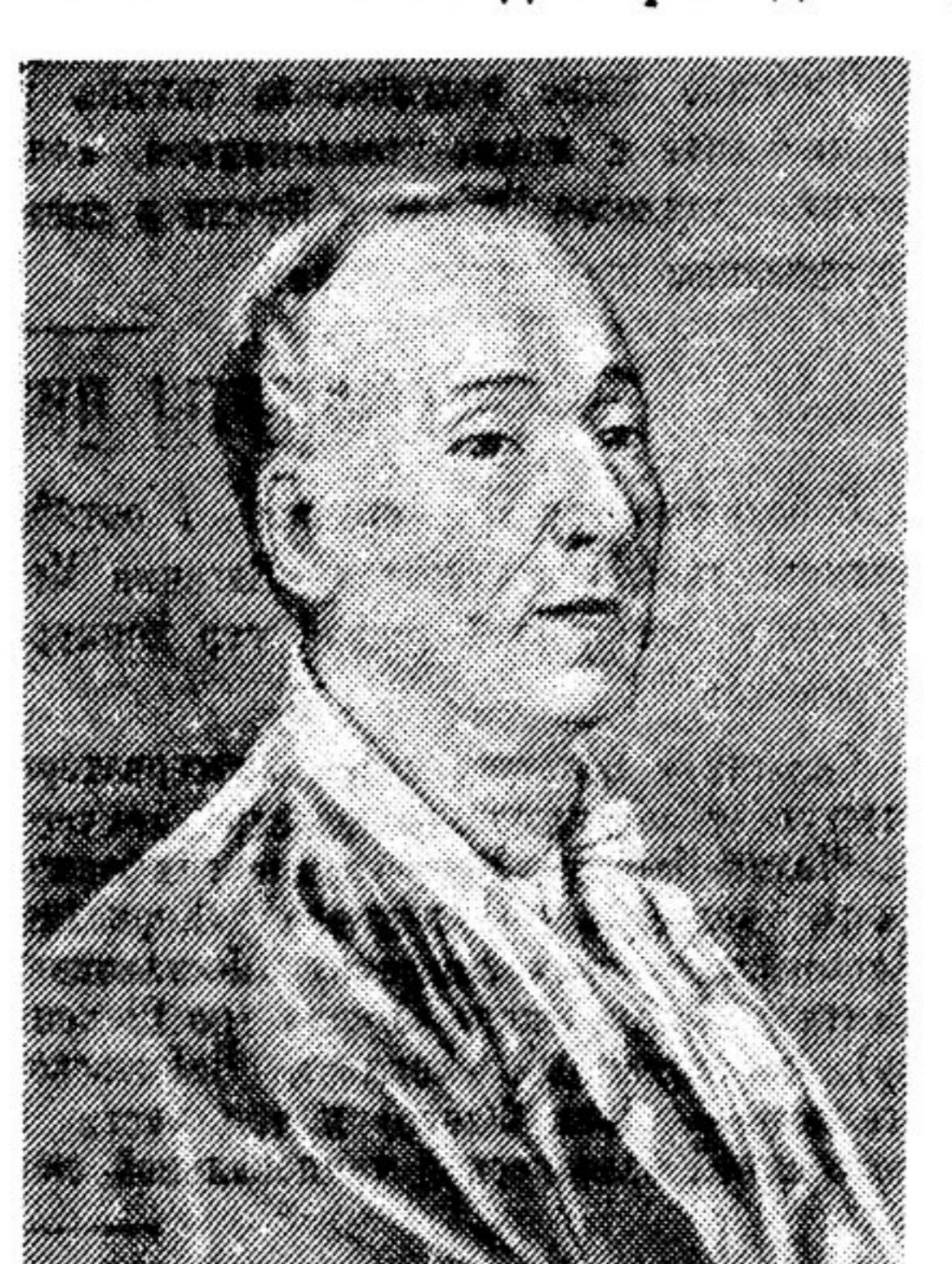
Библиографический отдел института украинской литературы им. Шевченко при Академии наук УССР дает следующую справку о тиражах изданий великого украинского поэта:

Тираж дореволюционных изданий Шевченко составил 196.150 экз.; за годы советской власти тираж этот составляет 2.384.545 экз. За последние двадцать лет тиражи изданий Шевченко в 12 раз превышают тиражи предыдущих почти 80 лет (первое издание «Кобзаря» вышло в мае 1840 года).

И. ЛУППОЛ

Дени Дицро

(К 225-летию со дня рождения)

В последние годы историко-философская и историко-литературная мысль все чаще и чаще останавливается на творческом наследстве Дени Дицро. В стране социализма, в Советском Союзе, издают и изучают произведения этого великого просветителя — борца против абсолютистско-феодального строя. На его родине, во Франции литераторы, теоретики и практики народного фронта черпают в его трудах идеи, которые и сейчас способны вооружить против фашистского мракобесия, против «нового средневековья». Так, пятью от плоти французского XVIII века, Дицро преодолевает бесмертне именно в том смысле, в каком он признан бесмертне человека, понимая это как жизнь в памяти и сознании последующих поколений.

Дицро бесмертне идейно-художественно-го наследства Дицро в том, что он наиболее полно и ярко выражал интересы своего класса, буржуазии, пешей в то время на штурм твердыни абсолютистско-феодального строя.

В. И. Ленин в своей замечательной работе: «От какого наследства мы отказываемся» писал: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общеизвестное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками. Понятие общественно-экономических отношений и их противоречия тогда были еще в зародыше в теориях, никакого своеобразия не имели в то время в идеологии и философии».

Самое же наследие Дицро искренне верило в общее благоустройство и искренне желало, — вот в чем тайна светлости и актуальности Дицро и в наши дни.

Творческое наследство Дицро энциклопедично и разнообразно. Он был блестящим философом-материалистом и атеистом, обектированным глубоким и передовым по своему времени философским идеям в ярком образной формуле; достаточно вспомнить его философские диалоги «Разговор Дицро с Даламбером», «Сон Даламбера»; «Продолжение разговора». В отличие от упорного и систематического наследства Дицро энциклопедии, — «Энциклопедия» далека не всегда передавала собственностную глубокие и передовые по своему времени философские идеи в ярком образной формуле; достаточно вспомнить его философские диалоги «Разговор Дицро с Даламбером», «Сон Даламбера»; «Продолжение разговора».

И все же при всем разнообразии, при всей своей многогранности творчество Дицро ярко и необычайно пеленоустремлено. Эта неизменность и одновременно ее конкретно-исторические причины показывают и раскрыты в приведенной выше статье Б. И. Ленина: «...все общественные вопросы и их остатки к борьбе с крепостным правом и его остатками, поставленные Дицро, — это искренне искренне верили в общее благоустройство и искренне желали, искренне не видели (отчасти не могли еще видеть) противоречий в том строе, который вырос из крепостного».

Перевод буржуазии XVIII века, просветите-

ПОЛОЖЕНИЕ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ

Выступления «Литературной газеты» (см. № 53 статья «Литература и маститства» и № 54 «Письмо из Белоруссии») целины тем, что они впервые за время существования союза советских писателей Белоруссии ставят вопрос о работе союза разного и принципиального. Правильно отмечает газета, что в союзе есть что угодно, но нет настоящей большевистской работы по созданию советской литературы.

После очищения писательских рядов от врагов необходимо было обединить всех талантливых литераторов вокруг партийных задач в литературе. Но руководство союза по меньшей мере проявляет бездействие. Важнейшие вопросы советской литературы остаются в стороне, а если некоторые и решаются, то кампанией.

Оборона страны требует создания хороших, высокодуховственных произведений.

★ ★ ★

Статьи «Литературной газеты» (№ 53 «Литература и маститства» и № 54 «Письмо из Белоруссии») меня обрадовали. Эти статьи прямо и честно обнажают некоторые недостатки писателей, несмотря на то, что они уже были разоблачены на писательских собраниях, газета старалась не печатать некоторых компрометирующих материалов.

В союзе писателей Белоруссии долгое время так называемые руководители были диктаторами литературного движения. Были случаи, что подобный руководитель своим порочным взглядом на литературу старался навязать всему коллективу писателей. Всякая попытка иметь собственное мнение часто расценивалась чуть ли не как враждебная вылазка. Конечно, можно сказать, что это дело прошлое. Но отрыжки этой густопополненной равниной иногда чувствуются и сейчас.

Нам памятен «снор» между М. Климонтовичем и П. Глебко о поэме Э. Огнешевича. Люди не сошлись в оценке поэмы. Это вполне нормально и законно. Принципиальные литературные споры необходимы для развития литературы. Однако не обошлось без попыток обвинить Глебко в желании диктатировать поэму потому, что она написана на актуальную тему. А раз так, стало быть, что поэму критиковать нельзя. Разве в такой атмосфере возможна здоровья и необходиная критика?

На олимпии писательской страны, во время очистки союза писателей от врагов, один писатель в своем выступлении сказал, что необходимо пересмотреть прежние оценки литературных фактов. На это послышалась аплодисментами. На олимпии писателей Белоруссии драматическая ситуация изменилась. Рядом с тем, когда уже мочат стало невозможно, отдалась краткой, совершенно беззубой, сквозной двух-трех отзыва.

Вопросы литературного наследства, вопросы языка, вопросы мастерства, — все это не интересует газету. Работу газеты не привлекают критические материалы, не интересует ее писатели.

Тов. Бахметьев, которого всесоюзное правление прислоило помочь белорусскому писателю, по приезде в Минск попал сразу, можно сказать, в обятия фанатических руководителей союза — т. Климонтовича и Лынькова. Будучи ими приглашены к свидетельству вспоминавшимся олимпиадистам, которые вышли из окружения Глебко в жалованье, попытались обвинить Глебко в желании диктатировать поэму потому, что она написана на актуальную тему. А раз так, стало быть, что поэму критиковать нельзя. Разве в такой атмосфере возможна здоровая и необходиная критика?

На олимпии писательской страны, во время очистки союза писателей от врагов, один писатель в своем выступлении сказал, что необходимо пересмотреть прежние оценки литературных фактов. На это послышалась аплодисментами. На олимпии писателей Белоруссии драматическая ситуация изменилась. Рядом с тем, когда уже мочат стало невозможно, отдалась краткой, совершенно беззубой, сквозной двух-трех отзыва.

Вопросы литературного наследства, вопросы языка, вопросы мастерства, — все это не интересует газету. Работу газеты не привлекают критические материалы, не интересует ее писатели.

Кузьма Чорный.

Новые литературные материалы

В Государственном литературном музее поступили корректированные листы «Современника» за 1858 год. На листах многотиражные исправления, сделанные рукой Н. Г. Чернышевского. Нередко им заново переписывались целые абзацы. Среди корректированных листов «Современника» имеются и листы «Синистки» с сатирическими стихотворениями Н. А. Добролюбова; несколько стихотворных строк написаны рукой Чарльза Дарвина. Впрочем, о том, кому принадлежат эти стихи, неизвестно.

Гослитмузей приобрел несколько неопубликованных писем М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Гослитмузей приобрел несколько неопубликованных писем М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Памяти Шолом-Алейхема

В 1939 г. 2 марта исполнится 80 лет со дня рождения известного еврейского писателя Шолома Алейхема.

Союз советских писателей Украины организовал юбилейную комиссию под председательством т. Гофштейна в составе Т. Головко, Гончарова, Копыленко, Корнейчука.

В 1939 г. 2 марта исполнится 80 лет со дня рождения известного еврейского писателя Шолома Алейхема.

Однако Дицро нельзя упрекнуть в национализме. С его точки зрения, художник должен обнаруживать себя в своем произведении, для живописца это еще более необходимо, чем для литератора. Для этого художник кроме таланта должен обладать вкусом. Вкус направляет талант художника, определяет его выбор. Дицро так определяет вкус: «Это легкость, приобретенная повторными опытами, к схватыванию истинного и доброго с условием, которое делает это истинное прекрасным и легко и живо воспринимаемым».

Прекрасное в искусстве есть истинное в естественности, преломленное сквозь вкус художника, т. е. естественность и художественность, объекта искусства и субъекта его.

Утверждал в искусстве естественность и формы, высокое стояние художественного мастерства. Дицро, с горячностью и темпераментом, обращался на искусство как науку, для этого он отвергался от жизни, а театр,

ПЕСНИ БЕЗ МУЗЫКИ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Заканчивается конкурс на молодежную песню, организованный 20-летию комсомола Ленинградским Горкомом ВЛКСМ, радиокомитетами и ленинградскими отделениями союзов советских писателей и композиторов.

Корр. конкурса подпустило узко около 600 текстов. Интересно, что подавляющее количество песен написано не профессионалами, ленинградский союз писателей свое участие в проведении конкурса почему ограничил представительством в жюри, хотя литературной организацией и, в первую очередь, поэтической сессии следовало бы позабыться об активном творческом участии лучших поэтов в соединении молодежной песни.

Еще пассивнее ведет себя союз композиторов. Достаточно сказать, что композиторы, выдвинутые в жюри, не посетили ни одного рабочего заседания, отобразившего лучшие тексты. Пока окончательно отобрано 11 текстов, и с авторами будет проведена работа по исправлению текстов, представленных на конкурс. Но во всем этих текстах музыка еще не пишется.

В союзе композиторов обижены странные молчанием своих авторов недостаточно высоким уровнем приславших на конкурс стихов. Но, как известно, условия конкурса допускают использование любых напечатанных уже текстов, совместную работу поэтов и композиторов и т. д. Все отвечают, таким образом, отказами.

До окончания конкурса осталось всего лишь несколько дней. Объявлен конкурс на молодежную песню, союз композиторов и союз писателей взяли на себя большие творческие обязательства к 20-летию комсомола. Эти обязательства должны быть выполнены.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕР ЖУРНАЛА «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

29 сентября в помещении Драматического театра Центрального парка культуры в отдаче им. А. М. Горького в Москве состоялся литературный вечер журнала «Молодая гвардия», посвященный 20-летию ленинско-сталинского комсомола. Двухтысячную аудиторию рабочей и вузовской молодежи с огромным вниманием слушала выступления писателей и поэтов, читавших свои произведения.

Алексей Толстой прочел стихи из своей новой пьесы «Поход 14 держав». Всеволод Иванов — воспоминания о встречах с Горьким. Б. Чуковский читал отрывки из своей книги «От двух до пяти». В. Каратыгин прочел рассказ «Черный хлеб». В. Герасимова — рассказ «Глубокая натура» и О. Неклюдова прочла отрывок из своего нового рассказа «Шакал».

Свои стихи читали В. Журавлев (первую главу из неопубликованной поэмы «Ботинский»), С. Смирнов (литературные стихотворения), В. Сидоров и А. Гольберг.

В президиум поступило предложение проводить вечера во дворце культуры автозавода им. Сталлина.

МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ ГРУЗИИ

Под таким названием Гослитиздат выпускает сборник избранных стихотворений четырех наиболее одаренных молодых поэтов Грузии, воспитанных ленинским комсомолом: Ираклия Абашидзе, Григория Абапидзе, Александра Гомиашвили и Георгия Качахидзе.

Произведения поэтов даются в авторизованных переводах Б. Брика, Е. Долматовского, К. Липскерова, Б. Пастернака, Н. Тихонова и В. Серебрякова. Тираж издания 5000 экз.

А. КОЗАЧИНСКИЙ

«ОГНЕВАЯ ТОЧКА» Ю. СЛЕЗКИНА

Окончание. Начало см. 3 стр.

Поэтому не веришь тому, что он делает в романе. Не веришь, что он по ночам любовно похищает школу ладонью. Не веришь, что он ушел в партизаны. У В. Каратыгина крестьянин Семен Котко уходит в партизаны, и кажется просто немыслимым, чтобы он мог поступить иначе. А в «Огневой точке» уходит в партизаны рабочий-дружинник 1905 года, и это кажется фальшивым. Этому способствует слышавший, неестественно театральный тон, которым разговаривает в романе Никитич.

— Вы мне замести сестры! — говорит он Европей, прошлась, — «в сердце мечты вложила, я ею людям понесу... А школа наша призора теперь не требует, вы об ней не жалите. Отвояю, вернемся — новую постройку!»

И когда одна какая-нибудь вспышка подобности служит для «оживления» целой группы персонажей. Вот как «вызывают свою индивидуальность» дети и подростки до 16 лет.

«Они подталкивали друг друга, смея и перепелтываясь, «они смутили всеми!», утер его кулаком...» «Серега соплем, соплем, полился у него на затылок...» «Соплем, смотрела... изредка посыпалась пылью от отгоревания», «...соплем, стала... стягивать руку...», «...соплему носом и жалостью посмотрела...», «парнишка засопел носом, пояснил...».

Женщины пролетарско-крестьянского лагеря: мать Сереги — «высокая, костистая», Золотарская — «сильная, широколицая», жены рабочих — «сероглазые, крупные женщины».

Вместо типичного автор берет базальное.

2

В романе много симболов зрения. Автор плохо видит и неверно описывает.

«Из опрокинутого стакана мелення текла на пол теменька струйка воды».

Это неестественно. Попробуйте опровергнуть стакан с водой, она выпьется сразу.

...Соплема, сыпавшая пылью из своих ребят. Он поизолял себе неслыханную роскошь за занавесом. Он вынул браслетный

Стихи Сергея Смирнова

В большой московской коммунальной квартире умерла старушка, промышлявшая торговцевскими попами. В ее свободно стоявшую комнату въехал новый жилец. Этот жилец оказался буша-человеком. Он моментально исправил давно негорячее электричество, он принес на кухню и под шум примуса стал напевать песни так весело и задорно, что ворчавшие и переговаривающиеся до его прихода домохозяйки выдергали и стали подлевать ему. Когда новый жилец, спохватившись и взглянув на часы, опрометчиво побежал на работу, всем было жалко и всем казалось, что вместе с ним в жизнь квартиры вошло что-то новое, милое, жизнерадостное.

Таково несложное содержание одного из первых стихотворений, напечатанных Сергеем Смирновым. Впоследствии он писал стихи в более зрелые и более глубокие, но уже в этом раннем стихотворении отразились все особенности его таланта.

Никакой напыщенности, никакой риторики никаких претензий на ложное глубокомыслие, на «космосов», на «мирозданий». Простые и теплые строки о наших людях, о сдельных трудах и радостях рядовых советских людей, наших соседей по погребу к квартире, химичика, занятого на диплом и уезжающего, кузьи за прошальным столом говорят о явлении слова.

Сослужка по квартире, химичика, занятого на диплом и уезжающего, кузьи за прошальным столом говорят о явлении слова.

Стихи, начинают дружескую беседу. Сюжет каждого стихотворения можно рассказать в двух словах. Герой Смирнова живет в 1937, в 1938 году. Москву и чуть ли не на одной улице. Поэтому-то кажется, что они непременно должны быть знакомы между собой, встречаться, разговаривать. Это опущение рождается от того, что Смирнов подметил в всех своих героях путь, ради общих черточек, общих для множества современников.

Отзвукичность, теплота, желание и умение помочь друг другу, любовное отношение к своей и уважение к чужой работе — эти качества красной нити пронизывают характеристики героев Смирнова.

Смирнов с любовью говорит и о своей собственной работе на метро, и о работе в сельском почтальоне ляди Вани, и о работе птичника.

У нас в поэзии часто забывают, что советский народ представляет не только наши славные легенды, пограничники, погибшие, но и миллионы рядовых советских людей, слушающих и работающих в самых разнообразных местах.

Стремление изобразить быт, обыденные обстоятельства, повседневные дела сочтется у Смирнова с одновременным

АНАНА КАРАВАЕВА

Заметки писателя

О повести В. Герасимовой «Хитрые глаза»

А. М. Горький замечает, что нередко работа литератора соприкасается с работой «санитара», горящим желания вымыть из жизни всякую «заразную грязь».

Вот такую работу вымытания из чистой советской жизни всякой «грязи и дряни» ведут на протяжении всей повести подлинно советские люди. Следует говориться, что они, как и люди лагеря «Хитров», дали автором с различной степенью художественности показали, как закономерна была писательская зоркость в такого рода роли.

«Хитров» и «Панцирь» и «Завод».

Вот почему повесть очень проста. В нейком издательстве идет длительная борьба между двумя заведующими и группами, которые сложились вокруг каждого из них. В процессе борьбы неожиданно выясняется, что председатель комиссии, которая должна разрешить вопрос о руководстве издательства, является старым фронтовым товарищем именно того из заведующих, шанссы которого котировались ниже. Начинается беспричинная перестройка «на ходу» и перебежка к более удачливому «конкуренту».

Но часть сотрудников, честных советских работников исходит, прежде всего, из интересов социалистического дела, находят в себе мужество стать выше корыстных побуждений и узколичной групповой возни. Линия секретаря партии Агейчика определяется с самого начала: она смело вступает в борьбу одновременно против обоих заведующих, принципы работы которых она считает неправильными.

Сюжетно и стиlistично оправдано звучит в повести и финал ее. Комиссия, возглавляемая председателем Алексеевым, выносит неожиданное для конюнктурщиков решение: сняв обоих заведующих, она выдвигает новые кадры во главе с Агейчиком. Такова сюжетная канва повести.

На первый взгляд может показаться, что основным конфликтом повести является спор между двумя противниками — заведующими: «вульгаризатором» Хребтовым и «эстетом» Миусовым. Основной спор, скрывающийся за внешними событиями повести, далеко перерастает рамки спора по вопросам различного толкования вопросов искусства. Это спор тех, кто утверждает морально-политические принципы социалистического человека, с теми, кто по той или иной маской действует согласно тысячелетнему «принципу» — «человек человеку волк». Позиционность и живучесть этого принципа проповедует идеолог этой «волчьей породы», но冕着шии свой «независимым мыслителем» — гражданин Степан.

...не находите ли вы, что если даже не считать человечество окончательно освобожденным от подлостей, как вы выражаетесь, — нельзя не убеждаться в том, что в нашей стране эти подлости рано или поздно приходят в столкновение с враждебной им новой системой? — возражает «трезвому» мыслителю воинственно-захватывающей представительницы этой новой системы, творца Агейчика.

Вот в этом страстном и непримиримом споре — основном циничном узле повести — именно в силу того, что в конкретной обстановке заранее никому не выдается решение вопроса. Здесь и начинается проверка качества человека, партийца, бойца. Идет на риск быть выброшенной из издавательства комсомолка Заботина, меняет положение живущего со всеми «в ладу» «почетного» секретаря партии на роль горничной «склончивыми» коммунистами Агейчиком. Отказывается от легкой карьеры демагогически захватывающей рабочий-актор Ловцов, выступая с разоблачением тех, кто провозглашал его книгу «генеральной».

И опять-таки в предвидении «великих битв» убедительно звучат слова коммуниста Алексеева о людях крепкой большевистской породы, которые «и под винтовкой не плюхнутся».

Однако серьезный замысел повести не всегда находит достаточно полноценное разрешение. Когда писатель работает над сложными и острыми проблемами современности, не отсылаясь поверхностью разработкой этих проблем, как делает это Герасимова, вопрос о волеочении, достойном замысла, выступает на первый план. Читаемая с беспорядком и неповерхностным интересом повесть mestas вызывает чувство удовлетворенности, что происходит из-за отсутствия отсылок к темам, которые «и под винтовкой не плюхнутся».

Работают под «утонченными» души вульгарные лавочники, супруги Львовские. Особую премиальную фигуру малют Львовской. Особенность изображения фигуры малютки Екатерины Молостовой. Идея о том, что если постарше, то и малютка станет еще более худощавой, неизвестно.

На стр. 55 читаем: «...смолистое мышление вспыхнуло в открыты окнах», на стр. 76: «зато стены... плыла тиха ночь». На стр. 74: «встро разгоралось... пыльца пыльца в прозрачном воздухе». На стр. 75: «бледно-насыщенным небе плавал стерпятник». Далее встречаем: на стр. 74 — «они смеялись в ясные пыльцы в прозрачном воздухе», на стр. 85 — «коридорная перестрелка неумолимо наплыла на голову», на стр. 88 — «мысли проплыли в ее голове, как две белые худощавые девушки, глядящие на нее издалека». На стр. 99 — «красное облако проплыло перед ее глазами». На стр. 100 — «зато на это предложение Я умоляю, глядя на меня, И в виду особого почтения, С добрым утром! — бабушке скажу.

И наступила очередь мои. Скажите свое напутственное слово. И снова. Говорят обычное свое: Цип-цип — ци-ин... И ничего иного... Цип-цип — ци-ин... Мне очень жаль ее. Поутру она уже забудет обо всем, что видела во сне... На работу бережно разбудит Вильям чаю, —тихо скажет мне... И в ответ на это предложение Я умоляю, глядя на меня, Я умоляю, глядя на меня, И в виду особого почтения, С добрым утром! — бабушке скажу.

И наступила очередь мои. Скажите свое напутственное слово. И снова.

Приятельство Ю. Слезкина, украшающих одну из страниц (65): 1) «Молодость и жажды любопытства напоминают ей, что предстоящая поездка обогатит ее в значительной мере, чем она ей будет стоить»; 2) «Ей казалось, что настала пора, когда можно требовать и добиваться тех мероприятий, которые она не может получить из-за своего неподложного»; 3) «Луковине крепко висит на ее шее, как она ее более худела из-за этого тяжелого недуга. И если будет замужем она и воспитает дочку или сына, то против рюмки этого вина не возражает даже медичина...»; 4) «...профессор заявляет... что необходимо сесть мескины испытания».

Но может быть эта заполученная страна — единственная в своем роде? Открытое стр. 78—79:

1) Когда он взглянул на ее, она встретила его взглядом спокойного. 2) «Неожиданно она почувствовала, что у нее свалился груз, который она несла давно». 3) «Па... ее щеки бледели, а глаза бледели, забываясь на утреннем солнце». 4) «Хватай, ехать скорее домой, с новыми силами, с окрыленными надеждами», но позже сказала: «...и с окрыленными надеждами»; 5) «...профессор заявил... что необходимо сесть мескины испытания».

Но может быть эта заполученная страна — единственная в своем роде? Открытое стр. 78—79:

1) Когда он взглянул на ее, она встретила его взглядом спокойного.

2) «Неожиданно она почувствовала, что у нее свалился груз, который она несла давно».

3) «Па... ее щеки бледели, забываясь на утреннем солнце».

4) «Хватай, ехать скорее домой, с новыми силами, с окрыленными надеждами»;

5) «...профессор заявил... что необходимо сесть мескины испытания».

«Этой работой санитария и объясняется отменная анонимом моя склонность к драматизму, — учительству, чтобы не свойственному даже временному для сочинителя рассказов и романов. Я не знаю искусства, линейного драматизма, и не думаю, что драматизм способен понижать силу влияния искусства, на воображение, на разум и волю читателя». (М. Горький, сборник публичных статей «Если враг не слушает, — его уничтожают», Гослитиздат, 1938 г., стр. 224).

Смысловой полет как раз является одной из самых сильных сторон творчества Герасимовой.

Неудовлетворенность этим смысловым полетом возникает только тогда, когда писательница слишком прямолинейно приближается к великой битве, великой схватке не на жизнь и смерть, — на захватывающую читательского внимания.

Нельзя сказать, что писательница слишком прямолинейно приближается к великой битве, великой схватке не на жизнь и смерть, — на

«ДРУГИЙ НАРОДА»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина первая

(Небольшой, уютно обставленный кабинет Попова. Старинные, удобные вещи. Толстые камни. В широком, изысканном кресле, укрыв ноги пледом и уронив на колени гавету, дремлет Иван Архипович. На нем домашняя охотничья куртка, высокий крахмальный старомодный воротник, галстук-бантон. Салье его усы коротко подстрижены, золотистое пансионе свисло с толстого, мясистого носа и повисло на щекочке. Ранний зимний вечер. Поблескивают стеклянные дверцы книжных шкафов; выплынувшись, как часовой, впереди в зимней гостиной зал пустые черные глазницы стоят в глубине кабинета человеческий скелет. Слишком, как бывают где-то в профессорской квартире стенные часы. И опять тишина. Внезапно без стука, распахнулась боковая дверь, в кабинет вошел Калюжный. Он в высоких валенках, в коротком, ладком пиджаке одиничном полушубке, в теплой шапке-ушанке, шея его покрыта шерстяными плащами. За один из плащем стволами винтовок охотничье ружье, через другое плачо на ремне перекинута сундучок и чемодан. Слопойно сбросил с себя баул, он поставил ружье в угол, снял шапку, поисканную, купал ее повесить, и приспособил на голый желтый член скелета. Потом снял тулу, размотал пиджак и, оставшись в вышитой ковровке, сел рядом с Поповым на второе изысканное кресло. Заснул. Покачал. Попов продолжает спать тихо и покойно. Покурил немножко. Калюжный встал и неспешно зашагал оправиться. (Попов открыл глаза).

ПОПОВ. Это кто?

КАЛЮЖНЫЙ. Этого я. Калюжный.

ПОПОВ (ища рукой свалившееся с носа пансиона). Странно. Заснула. Сейчас угори или вчера? Сейчас что?

КАЛЮЖНЫЙ (вспоминая раздеваться). Сейчас, Иван Архипович, вечер. Я ведь уезжаю. Простишь замеш. Гляжу — виши.

ЛЕНА. Я подумала как следует решила..

КАЛЮЖНЫЙ. Ты это серьезно?

ЛЕНА. Совершенно серьезно.

КАЛЮЖНЫЙ. Ты только погоди. Ты спокойно расскажи. Неленность какая. Дважды тому назад я позвонил тебе по телефону, и ты мне сказала, что укладывалась.

НЕ МОГУ ТЫ ВОЛЮ СИЯТЬ. Вот два билета. Спальни, плащартные. Чем ты, Лена?

ЛЕНА. Я никак не пойду. И родилась в Ленинграде, я здесь училась, здесь у меня большая сестра...

КАЛЮЖНЫЙ. Причем здесь больная сестра! Больная сестра остается с отчимом, все уже было решено, и выдру, здравствуйте.

ЛЕНА (утирая). Не для чего мне отсюда уезжать.

КАЛЮЖНЫЙ. Испугалась, что ли?

ЛЕНА. Если хочешь — испугалась. И потому я знаю: если я туда не поеду, то ты отбучишь там свой срок, положенные два года, и вернешься обратно. А если мы уедем вместе, то мы останемся там навсегда, ты не захочешь возвращаться.

КАЛЮЖНЫЙ. Чего за сумасшедшая идея?

Поехать ты или не поедешь — возвращать я все равно буду. Погоди, помолчи, дай сообразить...

ЛЕНА (очень мягко). Я тебе буду писать каждый день. И ты мне будешь писать. Слыши, Кузьма?

КАЛЮЖНЫЙ (тихо). Ты что-то путаешь, Ленка. Бесконечно ты чего-то напутала. И потом, чем на два года ехать, лучше уж со всем не езжай.

ЛЕНА (горячо и убежденно). Ну и не езди. И не езди совсем. Никому от этого не прибавится и не убавится. Чудно будем у нас жить. Ты передешь из общежития ко мне, отец будет очень рад. Мы оба будем работать в клинике, и Ольга будет довольна. Не могу я ее слепую, здесь бросить с отцом. Самое же главное — это ведь то, что тебя тут никто не послыши.

Ты талантливый, тебе с удовольствием оставят в нас. А это пирог, это огурцы...

ЛЕНА. Ты за меня, пожалуйста, не беспокойся.

ОЛЬГА. Отец совсем стар, но в какое бы бы не засыпал, я ни послыши, он никогда не откладывал. Наоборот. Помнишь, как последний раз он предложил сам?

ЛЕНА. Ну хорошо, а если бы я в самом деле не могла поехать?

КАЛЮЖНЫЙ. Четверо стук.

ПОПОВ. Четверо стук — это много, это очень много. Что ж вернешься, или не вернешься? Илья навсегда там останешься? Как сам-то думает?

КАЛЮЖНЫЙ. Там видно будет.

ПОПОВ. Там, пожалуй, ничего не будет видно. Там грыжа, трахома, вывихи, переломы, воспаления, там ничего не видно. Ты заранее себе скажи — вернешься или не вернешься. Заранее реши: будет научная работа или не будет научной работы.

КАЛЮЖНЫЙ (уточняю). Поглядим, Илья Архипович.

ПОПОВ (плывя в лицо Калюжному). Скульптур ты, Кузьма, на разговоры, ох, скученек. Пришел к профессору своему, почему не поделился? А? Поделился бы, поговорил бы. Ужином тебя кормить?

КАЛЮЖНЫЙ. Ужином? Можно и ужином. (Слышен звонок. Калюжный поднял голову, прислушиваясь.)

КАЛЮЖНЫЙ. Лена, должно быть. Пойду открою.

ПОПОВ. Без тебя отворят.

КАЛЮЖНЫЙ. Нет, уж я сам.

(Вышел, хлопнула дверь; из передней двери слышатся голоса. Вернувшись в кабинет Калюжный и Лена, Лена в короткой жакетке, в бедре. Сняла перчатки, дышит на руки.)

ПОПОВ. Холода?

ЛЕНА. Безумно. Девять градусов.

ПОПОВ. Сейчас и вас винтом налою, есть у меня преотличное винишко. А раздеться

все это ерунда. У себя в лаборатории...

ОЛЬГА. Я слышала это двадцать раз. У се-

бы в лаборатории. Чем вы там занимаетесь, в вашей лаборатории? Кому это нужно?

Люди болеют ужасными болезнями, а вы что-

то выдумываете, сочиняете какие-то опыты,

выпускаете какие-то брошюры. Все серьез-

ные открытия в медицине сделала лечение врача. Нет ни одного открытия, сделанного

в лаборатории.

КАЛЮЖНЫЙ. Да, что говорить. Тут же

не в этом.

ЛЕНА (вздох). А в чем же дело?

КАЛЮЖНЫЙ. Сказал бы, да не стоит.

ЛЕНА. Начал, так уж извол кончать.

ОЛЬГА. Не скрьтесь, не скрьтесь. Это

такойсты. Лена, что ты не ешь, это такой

позор...

ЛЕНА. Не смей мне ничего говорить. Ты

не смешь мне ничего...

ОЛЬГА (вставая). Пожалуйста, не говори,

что ты не ешь из-за меня. Пожалуйста, не

говори. Это неправда, ты просто испугалась.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Будет шутки путить. Всег-

да ты со мной шутки шутишь! Что значит —

не поеду?

ЛЕНА. Я, Кузьма, серьезно говорю. Я ни-

куда не поеду. Не могу я ехать. И глупо это

в конце концов. Мне предлагают интересную

работу здесь, в Ленинграде.

КАЛЮЖНЫЙ. Пустили какими-то Ерундами.

ЛЕНА. Не замерзн.

КАЛЮЖНЫЙ. Что-то ты странная какая-

то. Ехать не хочется?

ЛЕНА. Я не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерзнешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерзн.

КАЛЮЖНЫЙ. Что-то ты странная какая-

то. Ехать не хочется?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки.

ЛЕНА. Не замерzn.

КАЛЮЖНЫЙ. Где-то как не поедешь?

ЛЕНА. Так, не поеду.

КАЛЮЖНЫЙ. Пока до вокзала доедешь

и то замерznешь. Хорошенькие шутки

